

А. В.
АМОИТЕАТРОВ

Амфитеатров А. В. Мертвые боги: Рассказы. Роман М.: Современник, 1991.-- (Из наследия). // ISBN: 5-270-01012-7 FB2: "rvvg ", 07.05.2009, version 1.8 UUID: FBD-14C282-BC92-9C43-EF97-BA3A-759C-70E96F PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Валентинович Амфитеатров

Летавица (Мифы жизни (1911))

Сборник «Мертвые боги» составили рассказы и роман, написанные А. Амфитеатовым в России. Цикл рассказов «Бабы и дамы» — о судьбах женщин, порвавших со своим классом из-за любви, «Измена», «Мертвые боги», «Скиталец» и др. — это обработка тосканских, фламандских, украинских, грузинских легенд и поверий. Роман «Отравленная совесть» — о том, что праведного убийства быть не может, даже если внешне оно оправдано.

Из раздела «Украина»

Содержание

#1	0005
Примечания	0021

Летавица

Синяя ночь...

Такие ночи только в Украине и бывают. Небо — точно оно живое и дышит — тихо трепещет от мерцания звезд, под ними важно плывет огромный золотой месяц, с его круглого лица падает в бездну ночи поток молочного света, и вся воздушная пропасть как будто насквозь пропиталась жидким серебром.

Наплыла синяя ночь на старую Корсунь [1], нежит ее, лелеет и клонит ко сну. Корсунский замок, что еще Понятовских помнит, купает свои высокие башни в свете луны, а зубчатую браму [2] — в прохладе туманов, и его белые стены позеленели под месяцем, все равно как и мазанные мелом хатки — там за шумною Росью, на церковной горе.

Спят хатки, спит замок, спит дремучая дубрава — сад вокруг него, — хмурое, неподвижное море кудрявых деревьев. Остроголовые тополя стоят — как монахи на молитве — черные, строгие, величавые. Одна Рось не спит — плачет и грохочет седую волной по каменным порогам.

Мало ль простора на Украине? Широко разлеглись ее зеленые степи, есть где разгу-

ляться реке. И хорошо текут они, реки, степями: тихие, прозрачные, рыбные; бархатное дно, шелковые берега!.. Одна буйная Рось поссорилась с матерью-степью и ушла от нее в чертово гнездище — в каменные кручи и красные, точно казацкой кровью мытые, скалы: и откуда только выплыли они по-над украинскою ширью и гладью? Живет Рось в гнездище и жизни своей не рада: давит ее каменный берег, поперек горла становятся ей пороги, и она грызет их и точит волнами, как острыми зубами, а сама ревет от тоски и боли, словно девка, у которой жениха взяли в солдаты. И так — до тех пор, пока не осилит она гнездища, не вырвется из каторжной муки и не разольется, пониже Корсуни, гладким и быстрым потоком.

Рада Рось воле и простору: бодро бежит между казацкими могилами и сторожевыми курганами, что насыпали на степи в незапамятные времена неведомые люди, и шепчется с ними, зелеными, про старые и новые дни — про татарщину, про старого Хмеля, как он, батько казацкий, побил в Корсуни вражьих ляхов, про полковника Золотаренку,

что спит в Корсунском храме, сраженный не простою — серебряной пулей, потому что был он характерник [3], и не могли достать его ляхи ни свинцом, ни железом; про Железняка и его колив... про москалей и новый мирный век...

Шепчет Рось... Слушают ее могилы; качаются в ней изумрудными пятнами небесные звезды; дрожат по волнам красным отблеском костры на прибрежных заливных баштанах [4].

Старый баштанник Охрим тоже слушает Рось. Стар он... Господи Боже, как стар! Когда француз приходил на Москву, Охрим уже жениться думал, да на место того угодил под красную шапку. Как-то раз приезжал в Корсунь один панок из москалей, разговорился с дедом про стародавние были и насчитал Охриму все сто семь годов. А ничего еще — держится старик, крепкий дидусь! Мясо, конечно, Охриму уже не по зубам, и ходит он — попирается на клюку, спина дугой, но годов на десяток еще хватит места душе в теле!.. Только вот сон съела старость у деда. По целым ночам он зевает, охает и ворочается в

своём курене. Скучно ему и боязно. Известное дело: ночью, во тьме, по земле ходит враг и сеет тоску, смуту и страхи. Обвеет деда предутренным ветерком, заря выглянет из-за дальних могил, выкрасит господский палец в розовую краску и, что дивчина в новом монисте, zalюбуется собою в Роси, — разве-разве тогда сморит Охрима короткая дрема.

Нынче деду повеселее, чем всегда. Правнук ночует у него на баштане — Марко, славный хлопец. Прибежал с Корсуни к деду за кавунами [5], да и опоздился, — не заметил за мовой и байками [6], как упали сумерки. Не идти же мальцу одному темною степью, где, коли верить людям, то и дело вспыхивают на могилах разными огнями свечи над скрытыми кладами, да еще Бог весть кто и лежит в этих могилах! Может быть, такие злодеи и характерники, что и земля-то их не принимает и выбрасывает каждую ночь из своих недр бродить по свету жадными упырями... Оставил дед хлопча у себя и рад: любит старый Марку! Сказки ему рассказывать, кормить его кавунами, дынями, семечками, огурцами с медом до тех пор, аж потом хлопча хоть веди

к корсунскому фельдшеру; майстровать Марке дудки, луки и самострелы — самое охочее для деда Охрима дело.

Тихо. Выползли старый и малый из куреня, развели костер, постелили рядом и лежат — дид под свитой, хлопец под кожухом. Охрим задумался, в огонь глядит, ворошит уголья клюшкой, а Марко лежит на спине, ручки под голову, широко открыл карие очи и ищет в глубоком небе: где та зирочка [7], что ему счастье ворожит? Много их, много ходит вокруг месяца, и все ласковые, все улыбаются и быстро-быстро мигают... А иная возьмет, сорвется с места, да и перекатится на другое: только никак невозможно уследить, откуда она сорвалась и куда покатилась...

— Диду!

— А що, хлопче?

— Для чего зирки падают?

— Хиба ж упала?

— Много упало. Для чего?

— Осень скоро, Марко, для того и падают. Святые ангелы Божии лампы гасят. Осенние-то ночи пойдут мутные да черные, холодные да зябкие.

— Нынче тоже зябко, диду.

— А ты кожух на себя покрепче тяни: угреешься. Хочешь, кулеш сварю? поешь — тепло станет.

— Я сыт, дидуню!..

Старик замолчал и, подняв голову, тоже уставил взор в осыпанную зелеными искрами синеву.

— Звезды падают... ге! — задумчиво сказал он, — а кто знает, что оно такое? Разное говорят люди — чи брешут, чи ни... Один скажет, что это ангел летит со свечой, чтобы зажечь новую душеньку в христианстве. Другой — что коли звезда упала, то, значит, Бог прибрал кого-нибудь с грешной земли в свой светлый рай. Разное говорят... Ты, хлопче, не смотри много на звезды — нехорошо. Еще покойный батько — пером земля над ним! — учил меня: когда увидишь, Охрим, что звезда падает, крестись и — очи в землю! Бо бачь [8], хлопче: и звезда от звезды разнствует... да!.. это, голубь мой, в Писании значит. Какую звезду и впрямь ангел Божий зажигает на радость и на пользу людям, а другая — хоть и светит ярко — только кажется звездой, на са-

мом же деле и не звезда совсем, а так... проклятая летавица.

— Что, диду?

— Летавица, голубь, летавица.

— А что оно такое?

— Да... не к ночи сказать, не то чтобы во все нечисть, а недалеко от того...

— С рогами?

— Ни, хлопче! — протянул дед, — с рогами бесы... А о летавице мне москаль один говорил — тому лет уже полсотни, когда царь Микола замирял венгерца...

— Это которые с мышеловками?

— Так, так, хлопче!.. с мышеловками и всяким коробьём. Как мы их замирили, тут они с коробьём и пошли... Так вот и говорил мне москаль о летавице: есть такие звезды, что живут на них проклятые души. Заскучает проклятая душа, захочет на землю — она и покатит с неба свою звезду, скинется дивчиной или парубком и бродит в народе, по злему нраву своему, сея грех между добрыми людьми. То и есть летавица.

— Диду, как же то может быть, чтобы на звездах жили проклятые души?

— А подивись на месяц, хлопче: що бачишь?

— Не знаю, диду.

— Каин Авеля на вилы подымаает, Марко. Брат брата убил. Вот Господь и посадил его, бисову виру, на месяц, чтобы люди видели его во веки веков и ужасались такого злодейства. И ты поверти разумом, Марко: если Каину можно жить на месяце, отчего летавицам на звездах не жить? Тому и на Литве [9] тоже веруют. Знаешь лопацонов — белые колпаки, что приходят к нам работать на заводы? Так когда мы стояли в ихней земле, то и у них я про летавицу много слыхивал... все жалкое такое да сумное...

Дед примолк... Еще звездочка побежала по небу, оставляя за собой белый, быстро тающий след.

— Ишь какая красавица полетела, — сказал Охрим. — Кому-то навстречу, где-то упадет, кого-то погубит? Вот, хлопче, сказывают люди, что жил в старые годы на Волыни паробок, звали его Дайнас. Веселый был и работающий. С зарей выедет с плугом новь поднимать — поет. Полдень, жарко, как в пекле,

другие плугари еле плетутся по пашне, согнулись, как столетние деды, а Дайнасу хоть бы что. Идет прямой, как осокорь, утирает лицо рукавом и песни поет... Голос у него, хлопче, был звонкий да сильный, аж солнышку были слышны его песни... Вечером другие плугари с великой устали норовят как бы поскорее — на сено да под кожух, а Дайнас танцует с дивчатами и поет им думки про чумаков, да про пана Швачку, да про молодицю, що качура [10] за копейку продала...

«Добрый ты паробок, Дайнас! — говорят ему люди, — пора бы тебе и жениться...»

«Ге! — смеется Дайнас, — моя суженая еще в кольца [11] лежит!..»

«Что же ты загордился? Чем тебе наши дивчаты не хороши?»

«Как не хороши! Хороши, только не по сердцу».

«А кто же тебе, козаче, по сердцу?»

«Задумался Дайнас — ничего не сказал... Грустно ему стало, и что впрямь — который он год живет на свете, всем друг и товарищ, со всеми дивчатами тоже как брат родной, а нет между ними ни одной, что пришлась бы

ему по душе так крепко, что не грешно с нею и под венец стать, и закон принять, и век вековать. Лег он под топодем — вот, к примеру сказать, как ты сейчас лежишь, хлопче, — и затанул сумную песню. Далеко пошла она по свету и взвилась до самых звездочек, что в ту пору по вечернему часу уже высыпали пасть в небе, как стадо белых ярок. Поет Дайнас — слушают звезды, и чудится Дайнасу, словно одна звезда, самая светлая и большая на всем небе, стала ближе к нему, растет, растет, да вдруг как сверкнет!.. и — пропала: только след от нее засветился на небе. А вместо звезды стоит пред Дайнасом дивчина такой красоты, что и не видано на этом свете: очи большие, синие, как вот это небо над нами, хлопче, и блестят, как звезды; была она простоволосая, а волосы... ге! то были волосы! — чистое золото! так ручьем и катились с головы до пят, так и горели под месяцем. И вся она сияла и сверкала, как самый дорогой самоцветный камень, и была такая белая, бледная и нежная, что показалось Дайнасу, будто она вся светится».

«Кто ты?» — спросил Дайнас.

«Чи не бачишь! дивчина... своей матери дочь!» — сказала она, и тихий голос ее прозвенел по степи, как колокольчик на графской упряжке.

«А для чего сюда пожаловала?»

«Твоих песен послушать. Пой, Дайнас, пой поскорее, да позвончее! Я из дома не на долгий срок отпросилась, дом мой и далеко и высоко...»

Запел Дайнас — слушает девица, улыбается, а у Дайнаса от ее улыбки сердце прыгает. Кончил Дайнас песню и сказал:

«Вот, дивчино! люди на селе смеются надо мной, что я не хочу жениться, а как было жениться, когда никого не было по сердцу? Теперь же смотрю я на тебя, и думается мне, что краше тебя уж не найти мне никого на свете. И если бы ты пошла за меня — не было бы счастливей меня человека. Часу нет, как я тебя зазнал, а вот все готов тебе отдать, только будь моею женой. Мабуть, то чары, но мне все равно, потому что очень ты мне любя! И если твой батька не согласится отпустить тебя в чужое село, я, даром что богатый хозяин, пойду к вам приймаком... [12]»

Дивчина усмехнулась и ответила:

«У тебя хороший голос, Дайнас, и ты знаешь много песен. Если ты к этому еще так же хорошо танцуешь, как поешь, — я пойду за тебя замуж. Я — веселая, и ты будешь как раз по моему нраву!»

И запела она сама песню.

Не слыхивал Дайнас таких песен: тяжелая, долгая, смутная, она, точно на медленном огне, припекала его душу, и он сам не знал, что с ним творится, — так от этой песни переполнилось его сердце печалью и жалостью. Казалось ему, что его дивчина хоть и хвалится, что веселая, а нет ее несчастнее никого на свете... Поет девка, а тополь над нею чубом кивает, что зажурившийся казак, а звезды мигают — подумаешь, стряхивают слезы с ресниц. Совсем зажурился Дайнас... но, едва он повесил чубатую голову на грудь, дивчина запела другую песню, да такую живую, быструю, веселую и громкую, что у Дайнаса в ушах зазвенело и душа привскочила, как с переляку [13]. Летела та песня — быстрая, как птица, неудержимая и буйная, как вода, прорвавшая запруды, горячая и жгучая, точно

раскаленное железо в домне; летела и была Дайнаса по слуху и сердцу, как ковали колотят молотами по наковальне. Видел и слышал Дайнас: вся сонная степь стала оживать на голос дивчины. Светляки засветили в траве и сделались большие и яркие, как звезды, трава без ветра качалась, как пьяная, и гудела, как народ на сходе; ни одной тучи не было на небе, и зирочки перебегали на нем с места на место, словно хлопцы, когда играют в пятнашки; старый тополь над головой чаровницы весь дрожал и топорщил свои длинные ветви, как будто напруживал всю их силу, чтобы выдрать из черной земли свои корни-змеи и пуститься в пляс, следом за Дайнасом и дивчиной, а они-то давно уже кружились по степи, так что — гон-гон! — земля стояла от топота Дайнасовых подковок.

Крикнул петух на селе. Ярче прежнего засияла дивчина, и бачь, Дайнасе! она уже не по степи пляшет, а поднялась на локоть над травой и реет крылатым мотыльком — сейчас, сейчас улетит!

«Летит?! — закричал Дайнас, — куда? стой! я тебя не пущу!»

И прыгнул, как рысь, ухватился за одежду дивчины и повис так.

«Пусти меня, человек! — рвется дивчина, — меня дома ждут, мое время пришло, моя очередь всходить...»

«Не пуцу, — кричит Дайнас, — ты обещала выйти за меня замуж!»

«Эй, пуети, Дайнас! худо будет! не своя воля зовет меня».

Но паробок кошкой вцепился в дивчину, летает вместе с нею по-над степью, точно ястреб с белою чайкой.

«Я тебя с собою унесу!» — грозит дивчина.

«Неси, того только и хочу!» — говорит Дайнас.

«Дурень! Ты не знаешь, кто я и где живу: ведь я — Денница-летавица».

«Мне все равно!»

«Пропадешь ты, как осенняя трава!»

«Нехай так! Что за важность пропасть, если я без тебя и жить-то не хочу? Неси меня, куда хочешь, а я тебя не выпущу!»

Во второй раз пропели петухи на селе. Как крикнет летавица, как рванется — и разом, точно турман, взмыла в позеленевшее от рас-

света небо и засияла звездою, высоко-высоко... Вон, хлопче, и посейчас она, синеокая, мерцает там, над белыми облаками, об утреннюю пору... А Дайнас, что взвился было с нею, оторвался от ее одежды и ударился, как мешок, оземь — верст, може, за тысячу от своего села.

Ударился, а жив остался, даром что полетел из-под самых облаков. Встал на ноги — и боли не чувствует. Ах, казаче! лететь бы тебе снова следом за нею, за красавицей звездою-летавицей, кабы только крылья были!.. Ге! да они есть!.. Рванулся Дайнас в воздух — есть крылья! Малые, правда, но ведь и сам-то Дайнас стал невеличек — точь-в-точь как жаворонок, ранняя пташка, что поутру степь будит. Слышишь, хлопче, как заливаются? Скоро солнце выглянет.

«Воротись! воротись! воротись!» — кричал Дайнас, когда поднимался кругами к своей желанной звезде, что его зачаровала и погубила: из человека сделала птицей, — и совсем было уже добрался он до нее, но заря протекла между ними красною рекой, и звезда утонула в ней и стала невидимкой. И напрасно

Дайнас с той поры и до нашего века от утренней зари до вечерней мечется по поднебесью, хлопчет-ищет звезду-летавицу — не найти ее: не дано! Только когда, усталый, упадает он на поле в свое гнездо под колосьями, выплывает та звезда на небо и, пока спит Дайнас, сияет ярко; когда же он проснется, увидит ее и полетит к ней — загораживается от него румяною зарей и тает в ней, как воск в пламени... Так-то, хлопче!.. Эге! Да ты спишь, хлопче?

И точно: убаюканный рассказом, Марко давно спал крепким сном, не чувствуя ни утренней прохлады, ни того, как алое зарево, наполнившее собою небо, степь, Рось. Корсунь и баштан, сделало и его, и деда из смуглых хохлов медно-красными индейцами; не слыша даже, как десятки жаворонков-Дайнасов щебетали в розовой пучине неба, высоко-высоко кружа в нем на вечных поисках прекрасной обманщицы — звезды-летавицы.

Примечания

Рассказ был включен в сб. «Сон и явь» (раздел «В Малороссии»), «Красивые сказки» (раздел «Малороссия»), «Мифы жизни» (раздел «Украина»).

Печатается по изд.: Амфитеатров А. В. Мифы жизни // Собр. соч.: Спб., 1911. Т. 10.

Летавица — в украинском фольклоре — злой дух, в виде падающей звезды спускающийся на землю, принимающий человеческий образ и чарующий волшебными прелестями.

...царь Микола замирял венгерца... — имеется в виду буржуазно-демократическая революция 1848–1849 гг. в Венгрии, в подавлении которой принимали участие русские войска.

...Каин Авеля на вилы подымает... — Согласно Библии Каин, сын Адама и Евы, убил своего брата Авеля, совершив первое убийство на земле.

Примечания

Корсунь — имение графов Лопухиных в Киевской губернии, когда-то принадлежавшее Понятовским. Корсунь играла важную роль в истории Малороссии. По дикому местоположению на скалистых берегах Роси, Корсунь — едва ли не самое красивое местечко Киевской губернии. (Прим. автора.)

[^^^]

Ворота. (Прим. автора.)

[^^^]

Колдун. (Прим. автора.)

[^^^]

4

Огородах, бахчах. (Прим. автора.)

[^^^]

Арбузами. (Прим. автора.)

[^^^]

6

За разговором и рассказами. (Прим. автора.)

[^^^]

Звездочка. (Прим. автора.)

[^^^]

8

Потому что, видишь ли. (Прим. автора.)

[^^^]

Поверье о летавице распространено у малороссов, литовцев и карпатских славян. (Прим. автора.)

[^^^]

Селезня. (Прим. автора.)

[^^^]

Колыбели. (Прим. автора.)

[^^^]

Примак — зять, взятый из бедной семьи в дом богатого тестя. (Прим. автора.)

[^^^]

С перепуга. (Прим. автора.)

[^^^]